

Страна в огне

18.09.2015

НДН.инфо предлагает вниманию читателей статью «Горькая правда русского поля» из свежего выпуска газеты «Аргументы недели».

Среди многочисленных бед страны, особенно тех, которые приходят «внезапно», особняком стоят ежегодные лесные пожары. Они начинаются с февраля-марта и продолжаются до глубокой осени, а то и зимы. И каждый год гибнут люди – сгорая заживо, умирая от инфарктов из-за потери единственного жилья, от приступа астмы или скачка давления из-за дыма, который окутывает города, посёлки, деревни.

Когда в середине двухтысячных годов чиновники и депутаты готовили ныне действующий Лесной кодекс, профессионалы буквально кричали им в уши: «Вы убиваете лес!» Но те «слушали, да кушали». В результате только от лесных пожаров страна уже потеряла десятки, если не сотни миллиардов долларов. И потери, в том числе человеческие, только растут. Вместе с финансовым и социальным статусом причастных к этой вакханалии конкретных людей.

Горим, братцы, горим!

В страшном 2010 году, когда полыхало по всей стране, в своих домах и лесах сгорели заживо 53 человека. Вот цитата их сухой итоговой сводки: «Во время пожароопасного периода – с 26 июля по 19 августа 2010 г. – в Центральном, Приволжском, Уральском округах зафиксировано 7 тысяч очагов природных пожаров на площади более 430 тысяч га. Эвакуированы 5 тысяч человек, сгорели 2,5 тысячи домов. Без крова остались 3,5 тысячи жителей». Ещё почти тысяча человек попали в больницы с отравлениями дымом и с травмами.

2015 год – погибших около 30. Почти триста человек побывали в больницах. Учёт пострадавших от задымления не ведётся. Сколько сгорело дворов – пока точно не берётся подсчитать никто. Пожароопасный сезон ещё не закончен.

Мы привели наиболее вопиющие человеческие и финансовые ежегодные потери от лесных пожаров. Но леса горят каждый год, каждый год гибнут и получают травмы как простые люди, так и высококлассные специалисты по борьбе с огненной стихией.

Именно на «обстоятельства непреодолимой силы» – стихию – и кивают те, кто создал этим обстоятельствам – лесным пожарам – режим наибольшего благоприятствования (см. справку «АН»).

Лесной враг №1

Руководитель Центра по проблемам экологии и продуктивности лесов академик РАН Александр Исаев:

– Говорил и повторяю свою оценку: если бы я хотел нанести максимальный вред лесам России, я бы ничего не мог сделать больше того, что сделало правительство России. В промышленно развитых странах с продвинутым лесным сектором экономики, таких как США, Канада, Финляндия, Швеция, сначала разрабатывали национальную лесную политику, определяющую стратегию действий, а уже на её основе принимали адекватное законодательство. У нас, как известно, решения принимались в обратной последовательности. Сначала приняли кодекс, а затем заговорили о политике. Причём против принятия нынешнего кодекса восставали все: лесопользователи, специалисты лесного хозяйства, научная общественность. Но нас никто не слушал. На всех этапах его обсуждения мы говорили, что этот кодекс – большая беда, и эта беда, к сожалению, вылилась в то, что и должно было произойти: в разруху управленческих структур и недееспособность лесопожарных служб. В итоге горят леса, не решена проблема с незаконными рубками. В стране нет единого государственного органа власти, который регулировал бы весь лесной комплекс.

С небольшого костерка...

Любой катастрофический пожар начинается, грубо говоря, с маленького огонька. Для того чтобы его потушить, достаточно одного лесника, который регулярно обходит свою территорию. Но лесников практически не осталось, а технические средства, например постоянное «авиапатрулирование», дотационным регионам недоступны. При этом с самолёта или вертолётa обнаружить маленький лесной огонёк очень сложно.

В результате о пожаре на региональном уровне становится известно, когда полыхает уже под десяток гектаров леса. В воздух, если, конечно, есть горючка, поднимаются региональные подразделения «Авиалесоохраны», которые своими немногочисленными силами пытаются погасить огонь. А верховой пожар – наиболее страшный в крупных лесных массивах – огненной стеной мчится со скоростью пассажирского поезда.

Вы думаете, губернатор спешит доложить в Москву о ЧП, чтобы попросить помощи у федерального резерва пожарных – десантников Рослесхоза? Как бы не так. За сообщение по головке не погладят, а скорее укажут на недостатки профилактической работы. И начинается большая лесопожарная ложь.

– Само законодательство, в частности Лесной кодекс, подталкивает губернаторов искажать данные о пожарах, многократно занижать площади, чтобы создать

видимость того, что регионы справляются с переданными им полномочиями по охране и тушению лесов. Это становится основной причиной катастрофического развития ситуации. Ведь пока пожары не признаются, то невозможно принимать какие-то адекватные решения по направлению туда достаточных сил. В этом году и Иркутская область, и Бурятия в десятки раз занижали пожары на той стадии, на которой с огнём было бы проще справиться. О них не говорят, потому что боятся признать проблему – на местах ни людей, ни техники, ни денег нет. Но как только СМИ начинают писать о реальной картине, то сразу статистику приводят в соответствие, и огромные, катастрофические пожары появляются как чёрт из табакерки.

Если бы этим летом в Иркутскую область или Бурятию сразу перебросили несколько сотен парашютистов из федерального резерва, то катастрофического развития ситуации можно было избежать. А сейчас, когда горят сотни тысяч гектаров, высокопрофессиональные лесные пожарные становятся простыми копателями на кромке, – рассказал «АН» руководитель противопожарной программы Гринпис России Григорий Куксин.

Согласен с ним и заведующий лабораторией лесной пирологии Института леса им. В.Н. Сукачёва СО РАН доктор биологических наук Пётр Цветков: «Площадь пожаров занижается в 10–15 раз».

– Зачем? Непонятно. В общем доступе есть информационная система дистанционного мониторинга, на которой чётко видны площади и число пожаров. Но занижают, лгут, скрывают. Получается замкнутый круг: денег на тушение не хватает, но просить неудобно, ведь по документам ничего не горит. Лесопожарная ложь – первая причина массовой горимости лесов. Вторая – неоперативность действий в связи с децентрализацией лесной охраны, ведь государственная лесная охрана фактически ликвидирована Лесным кодексом, – констатирует Цветков.

Государственная шизофрения особенно заметна в официальных сводках: «По информации Федеральной диспетчерской службы лесного хозяйства, по состоянию на 13 сентября в России действовало 28 лесных пожаров на площади 62 888 га.

Выявлено наибольшее отклонение от данных космического мониторинга по площади лесных пожаров на территории: Республики Бурятия – на 121,7 тыс. га (занижение в 1,2 раза); Иркутской области – на 134,4 тыс. га (занижение в 1,4 раза); Республики Саха (Якутия) – на 67,6 тыс. га (занижение в 4,8 раза); Еврейской АО – на 3,5 тыс. га (занижение в 4,5 раза); Приморского края – на 2,6 тыс. га (занижение в 1,6 раза); Новосибирской области – на 1,5 тыс. га (занижение в 2,5 раза)».

То есть, например, в Якутии горит не 10 с небольшим га леса, как докладывают местные власти, а почти 70! Гринписовец Куксин, кстати несколько лет проработавший в военизированной пожарной охране (МВД, затем МЧС), образно сравнил действия региональных властей с нерадивым управляющим поместьем.

– Тебе передали в управление чужой федеральный дом вместе с небольшими деньгами на его содержание. Он настолько большой, что можно не обращать внимания на 1–2 выгоревшие комнаты. Признать, что денег и сил для его содержания и охраны недостаточно, губернаторам страшно и стыдно. Поэтому

спасают отчётность, когда пора спасать людей и лес, — говорит он.

Кто вы, мистер Пучков?

Во вторник, 15 сентября, глава МЧС Владимир Пучков предложил США практическую безвозмездную помощь российских специалистов в тушении лесных пожаров в Калифорнии, которые приняли характер стихийного бедствия. Руководитель «министерства чудесных сказок», как всё чаще называют МЧС в народе, готов «направить современную авиационную технику в пострадавшие районы штата, а также специалистов и спасателей с необходимым оборудованием». Мол, вот мы какие — нас пытаются задушить санкциями, рвут экономику на части, а мы «заклятым друзьям» помощь самолётами, вертолётами и опытными экипажами. У себя огонь победили, теперь российские Чип и Дейл летят на помощь за океан. Министру Пучкову, наверное, не докладывают цифр по нашим посконным и домотканым лесным пожарам, если он готов помогать кому угодно, только не собственной стране. Исправляем эту досадную ошибку.

Докладываем, что на ноль часов 15 сентября, по официальным, значительно заниженным данным, «на землях лесного фонда в Сибири действуют 15 лесных пожаров на площади 20 476 гектаров, в том числе десять крупных пожаров на площади 9,9 тысячи гектаров в Бурятии, четыре пожара на площади 10,6 тысячи гектаров в Иркутской области и один пожар на площади 23 гектара в Туве. На особо охраняемых природных территориях действует три лесных пожара на площади 1130 гектаров, в том числе два пожара на площади 910 гектаров в Бурятии (заповедник «Баргузинский», национальный парк «Забайкальский»), 220 гектаров горят в Иркутской области (национальный парк «Заповедное Прибайкалье»)».

Режим чрезвычайной ситуации действует в пяти регионах СФО: на всей территории Забайкальского края, Иркутской области, в Туве, Бурятии и Хакасии. Самое время помогать братской Калифорнии г-на Пучкова!

Ударим шампанским по загоранию

Когда грандиозные лесные пожары всё-таки прорываются к телезрителю, то он с умилением слушает бодрый голос диктора: «Ситуация находится под контролем. МЧС ликвидировало столько-то очагов пожаров, вылив на них тысячи тонн воды из самолётов Бе-200. А министр МЧС Пучков вылетел на место и пообещал погасить огонь за два-три дня». И обыватель засыпает спокойно. Огонь к его даче нейдёт — власть бдит и тушит.

— Лесной пожар невозможно потушить с воздуха, даже используя самолёты Бе-200, Ил-76 или вертолёты с внешней подвеской. Во-первых, для точности сброса нескольких тонн воды необходимо спуститься как можно ниже, а это запрещено правилами пилотирования. Во-вторых, кроны леса отражают и рассеивают поток сбрасываемой воды. Тушение пожаров с воздуха — это вспомогательная мера. Она призвана помочь наземным службам обработать какой-то участок в случае крупного пожара. Но только люди на земле могут победить огонь. Пожар считается окончательно ликвидированным, когда он остановлен, опухан со всех сторон, дотушен внутри этого контура. Иначе, казалось бы, побеждённый, он с большой вероятностью может возобновиться. А реально ликвидировать крупный лесной пожар, когда он достигает характера стихийного бедствия, может только «верховный пожарный» — длительный дождь, — говорит Цветков.

Эксперт из Гринписа же обращает внимание на экономическую составляющую красивой телевизионной картинки.

— Только авиацией ни один пожар в истории человечества ликвидирован не был. Его всегда тушат люди на земле, которые копают, пилят, отжигают. Авиация,

если она работает в полном взаимодействии с наземными службами, может создать для них более благоприятные условия: временно сбить огонь на небольшом участке, обработать полосу перед горящей кромкой. Но обычно – просто отработали куда-то в дым, дорого и бессмысленно. Мы подсчитали, что по деньгам сбросить 12 тонн воды с Бе-200 стоит как 12 тонн шампанского, вылитого на пожар. А стоимость нескольких Бе-200, которые МЧС собирается закупить, многократно превышает все расходы на лесную охрану в стране, – приводит цифры Куксин.

Что делать? Сухари сушить!

Уже практически всем ясно, что безумный ультралиберальный Лесной кодекс, написанный в бывшем ведомстве Грефа в интересах крупных игроков на целлюлозно-бумажном рынке, надо менять. Пора признать, что никакой частник, никакой регион в одиночку не смогут, да и не будут заниматься непонятно кому принадлежавшим лесом так же тщательно, как государство занимается своим имуществом. Однако нынешний уровень законотворцев из Госдумы и их деятельности вызывает опасения у экспертов.

– Это самое плохое законодательство за всю историю лесного хозяйства. Более чем за 300 лет. В него внесено минимум 28 наборов системных поправок и дополнений, которые не меняют губительной сути самого законодательства. С одной стороны, вроде бы нужно создавать новый Лесной кодекс. Но кто его будет разрабатывать? Те же личности? Утверждать та же Дума? Будет ещё хуже. Может быть, имеет смысл вернуться к альтернативному Лесному кодексу, который разрабатывали специалисты лесного хозяйства, доработать его с учётом нынешних реалий. Иначе с каждым годом будет всё хуже и хуже. Ведь даже официальные данные за последние 10–15 лет показывают, что число случаев и площадь, пройденная лесными пожарами, неуклонно растут, – говорит учёный-пиролог Пётр Цветков.

– Подписывал этот закон Владимир Путин. Ему и исправлять. Увы, но кроме него никто в стране не может принять системного решения: прекратить лесопожарную ложь, снять вопрос с недофинансированием – как минимум в 10 раз – охраны лесов, решить вопросы с палом травы. Ведь до маразма доходит – работники Рослесхоза не имеют права тушить степь, траву. Надо ждать, пока огненный вал войдёт в лес. Иначе их привлекут за нецелевое использование средств. И делать это надо срочно. Чтобы в следующем году ситуация не повторилась, как в этом. А новая волна пожаров по той же самой схеме, по тем же причинам начнётся уже в феврале, – грустно констатирует Григорий Куксин.

История грабежа Родины

Борьба за контроль над лесными богатствами началась в далёком 2000 году, когда новоиспечённый президент В. Путин с подачи ельцинского премьер-министра М. Касьянова подписывает печально известный указ №867. Согласно ему, ликвидировались Федеральная служба лесного хозяйства и Государственный комитет по охране окружающей среды. Их функции отходят Министерству природных ресурсов. Касьянов тут же подписывает правительственное постановление о сокращении лесной службы с 250 тыс. человек (считая рабочих и временных сотрудников) до 10 тысяч. Правильно, нечего дармоедов кормить. И ставит на пост министра природы всей страны вместо профессионала-геолога Бориса Яцкевича, инженера-механика автомобильного транспорта,

налоговика и дорожника, а вообще-то – очень тёмную личность – Виталия Артюхова. Именно им и был дан зелёный свет лесной вакханалии.

Действовавший в то время Лесной кодекс (подписан Б. Ельциным 29 января 1997 г.) был, конечно, несовершенен, но достаточно суров к тем, кому не давали покоя строго охраняемые им дубравы. И практически сразу началась работа над новым кодексом, который открывал возможность рубить, сжигать и разбазаривать национальное достояние. В глухой тиши кабинетов Минэкономразвития, которое тогда возглавлял Герман Греф (ныне глава Сбербанка), закипела работа по созданию «инвестиционно привлекательного лесного законодательства». Специалисты, как и положено в новейшей российской истории, к его разработке привлечены не были. Когда монстр появился на свет, все ахнули.

Хотя в законопроекте и не было понятия «приватизация», весь его смысл был именно таким. Лес был фактически превращён в движимое имущество, которым собственник распоряжается бесконтрольно и по своему усмотрению. А лесные земли стали недвижимым имуществом, находящимся в гражданском обороте. Ответственными за охрану лесного богатства, в том числе и от пожаров, назначили регионы, не передав никаких дополнительных финансовых и должностных полномочий. Были ликвидированы лесхозы, разрушены основы для существования лесного хозяйства как экономически самодостаточной отрасли, упразднено само понятие лесной охраны, а также децентрализована и практически разрушена единственная специализированная федеральная структура, занимающаяся борьбой с лесными пожарами, – «Авиалесоохрана».

В адрес властей всех уровней, в том числе депутатов, правительства, президента, десятками тысяч пошли письма и телеграммы с требованием – не принимать Лесной кодекс в таком виде. Учёные РАН, лесоводы подготовили альтернативный вариант, который депутаты даже не стали рассматривать. И хотя ни один законопроект не проходил через очень послушную Госдуму с таким скрипом, но 22 апреля 2005 года за него проголосовали в первом чтении, пообещав внести исправления.

Ко второму чтению на проект документа поступило около 3 тыс. поправок. Слушания пришлось переносить пять (!) раз. 1 ноября 2006 года, после грозного окрика из Кремля, проект кодекса был принят во втором чтении. Уже через неделю – 8 ноября Лесной кодекс был принят Госдумой в третьем, окончательном, чтении. Как говорят эксперты, немалую роль сыграли лоббистские возможности председателя Комитета по природным ресурсам и природопользованию от правящей партии Натальи Комаровой. В 2010 году её с подачи президента Д. Медведева назначили главой богатейшего Ханты-Мансийского автономного округа.

С трудом проскочив через Госдуму, Лесной кодекс упёрся в Совет Федерации, в котором заявили, что регионы с таким уровнем финансирования, который им выделили при передаче полномочий, ничего сделать не смогут. 15 ноября 2006 года верхняя палата не стала рассматривать проект кодекса. Но 21 ноября состоялась встреча председателя СФ Сергея Миронова с первым лицом, и 24 ноября на Большой Дмитровке сенаторы одобрили этот документ, который Гринпис назвал преступным. С 1 января 2007 года Лесной кодекс вступил в силу.

Уже в начале 2008 года пожаров в стране стало в 41 раз больше, чем за аналогичный период 2007 года. Площадь, повреждённая огнём, выросла в пятьсот раз. В 2010 году – почти в 800 раз. В 2015-м – ещё горит.

«Аргументы недели»

Фото: lentaregion.ru